

— Я не буду обручаться с Цинь Юйфу.

Пхм!

Оевропейский антикварный кувшин на журнальном столике полетел в дальнюю резную колонну — его швырнул Чэн Цзин.

Чэн Цзицин инстинктивно собралась с мыслями: это была естественная защитная реакция тела на конфликт. Мелькнув взглядом по усеявшему пол битому стеклу, она мысленно немного пожалела об утрате.

Какая жалость.

— Чего же ты хочешь? По-твоему, это нормально, что слухи о том, как ты кувыркаешься с альфой, расползлись повсюду? Ты на себя со стороны посмотри! — вспыхнувшее мгновение назад хладнокровие Чэн Цзина вновь рухнуло, стоило ей вспомнить об альфе и тех сплетнях.

— И что ты говорила сегодня утром? Ты совгала мне, обманула меня и целый день протаскалась за этой альфой Бай Синь, думаешь, я не знаю, что вы делали?

— Тебе плевать на репутацию семьи Чэн, да и собственное лицо тебе ни к чему. Так скажи мне, чего ты в конце концов добиваешься?

Чэн Цзицин: «.....»

Она смотрела на удаляющуюся спину Чэн Цзина. В книге Чэн Цзин была для оригинальной владелицы тела опорой и защитой во всех ее самодурствах.

— Побудь дома пару дней, подумай хорошенько, — Чэн Цзин бросила на Чэн Цзицин сложный взгляд. — Ты можешь сама принимать решения, но если твое решение — погубить себя, я этого не позволю. Пусть даже ты возненавидишь меня.

Спор на этом затих.

Оригинальная владелица тела, Чэн Цзин, а еще — вечно молящаяся Будде мать-омега, которая почти не бывала дома.

Чэн Цзицин чувствовала, что Чэн Цзин невольно начинает заводиться.

В романе этот человек держится образов волевой и суровой женщины-руководителя, всегда действующей решительно. Быть может, всё дело в ее особой нежной привязанности к этой

младшей сестре?

Хотя ситуация складывалась не самая подходящая.

Сама она была вовсе не из тех, кто привык терпеть унижения, но и обрывать связи с человеком, который мог сослужить ей службу, она не собиралась. К тому же, глядя на всё со стороны...

— Сама решаешь? Твое решение — это ввязываться в неприятности напропалую! Сначала ты уперлась и вбила себе в голову во что бы то ни стало жениться на Цинь Юйфу, а теперь, когда о вашей связи с Бай Синь знают все до единого, ты заявляешь, что передумала? Поздно!

Чэн Цзицин отчетливо поняла: весь сыр-бор крутился исключительно вокруг нее и этой истории с Бай Синь.

Хочется мне свободно и беззаботно плыть по волнам бескрайнего моря — в этих словах не было скрытого смысла, она просто ради рифмы срифмовала.

Стороны прекратили огонь, и наэлектризованная атмосфера за полминуты постепенно сошла на нет.

А фразу «ты не сможешь опекать меня всю жизнь» она благоразумно придержала при себе, опасаясь, что Чэн Цзин запустит в нее еще чем-нибудь.

Бросив эти слова, Чэн Цзин развернулась и широким шагом вышла из комнаты.

Выходит, по мнению Чэн Цзин, единственный способ замаять слухи о ее увлечении альфой — это притащить в дом в качестве законной супруги изначального виновника всей этой истории, омегу?

В определенной степени Чэн Цзицин была человеком рассудительным.

Поняв, что словесные аргументы больше не вызывают у Чэн Цзина доверия, она не стала продолжать пустые препирательства.

Как бы ни был велик семейный бизнес Чэн, в самом костяке семьи, то есть на стороне Чэн Цзин, которая и держала бразды правления в своих руках, оставалось всего три человека.

Чэн Цзицин ждала, чем закончится этот спор.

Эффект от связи двух альф казался способным сдвинуть с оси всю планету.

Она вздохнула, выбрав не вызывающую вопросов, но искреннюю для нее саму позицию:

— Я ничего такого не замышляла. Я сама решаю свои дела, и в чем я неправа?

Так что строгость, забота и даже легкое баловство со стороны Чэн Цзин по отношению к этой младшей сестре вполне укладывались в рамки логики.

Хотя временами ей на мгновение казалось, что Чэн Цзин проявляет излишнюю опеку... Быть может, оттого, что ей самой прежде никогда не доводилось испытывать на себе теплоту близких людей?

На душу Чэн Цзин нахлынула волна сентиментальности, но затем, потеряв уставшие, саднящие глаза, она отогнала эти мысли: ее мозгу в данный момент требовался отдых.

А о дальнейших шагах она подумает, когда выпится.

Комната оригинальной владелицы находилась на втором этаже в южном крыле. Судя по воспоминаниям, та не появлялась здесь очень давно.

Стоило перешагнуть порог, как в глаза бросилась успокаивающая сине-молочная гамма интерьера — от отделки до настенных плакатов, а на тумбочке у кровати обнаружился отрывной календарь.

При всем желании хозяйку комнаты нельзя было назвать беспутной омегой или распущенной альфой.

Одежда в шкафу была аккуратно сложена: половина вещей в углу пестрила яркими красками, а вторая половина, выдержанная в холодных тонах, судя по всему, использовалась в последнее время.

Чэн Цзин наугад вытащила комплект пижамы и направилась в ванную.

Стоило погрузить тело в теплую воду, как оно тут же расслабилось, словно у него разом вынули все кости.

Она почти ничего не ела, однако голода не чувствовала вовсе — одолевало лишь глухое, тяжелое оцепенение...

Она думала, что ей приснятся сны — о прежнем мире, о перемещении в другое тело, возможно, о какой-нибудь системной подсказке, но нет, ночь прошла без единого сновидения. Спала она мертвецким сном.

Улеглась около двух часов пополудни, а когда проснулась, на часах было пять утра.

Тут Чэн Цзицин наконец отчетливо ощутила голод. Поднявшись с постели, она вспомнила про стоявший в комнате небольшой холодильник — спуститься вниз в поисках съестного не было нужды.

Взяв два ломтика хлеба и пачку холодного молока, она вышла на балкон.

Мир погрузился в тишину. Глядя на непривычные окрестности и роскошные пейзажи ночного города за окном, она на мгновение потеряла счет реальности. Это странное оцепенение пробудило в ней смутное желание с кем-нибудь заговорить.

Но знакомых у нее не было.

Достав телефон, переведенный в беззвучный режим, Чэн Цзицин обнаружила множество пропущенных вызовов от приятелей, то же самое творилось и в WeChat.

Больше всего сообщений пришло от контакта по имени Сун Лин, причем самые свежие значились всего несколькими минутами ранее. Пробежав их глазами, она уловила суть.

Похоже, эта девушка состояла с прежней хозяйкой тела в довольно близких отношениях — младшая дочь корпорации Сун, которую в кругах звали не иначе как маленькой принцессой Сун.

{Чэн Цзицин! Ты что, сменила ориентацию на альфу? Seriously, это та самая Бай Синь?!}

{Когда? Где? Есть подробности?}

{Если не расскажешь мне всё, я растреплю всем, как ты в восемь лет в штаны намочила!}

Чэн Цзицин: «.....?»

Она проскроллила переписку до самого конца.

{Эй, в этом Особняке Цзяли всё грязнее и грязнее становится, во что только не играют. Как тебя угораздило водиться с такой мерзкой девицей, как Цзэн Лу.}

Подумав немного — она ведь изначально и сама планировала туда заглянуть, — она ответила:
{Что случилось?}

{! Ты специально игнорируешь мои вопросы выше, да? Вот же свинья.}

{Вечно творит какую-то грязь, ради дешевой показухи готовы переступить через любые принципы, что за шоу вообще пошли.}

Сун Лин скинула видеоролик.

Открывать его Чэн Цзицин не стала: судя по степени обнажения на превью, зрелище явно предназначалось не для детей.

Законы этого мира не отличались особой строгостью к подобным вещам.

Сун Лин: {И с какой стати ее вообще пригласили на банкет моей семьи? Ума не приложу.}

Сун Лин: {Ой, погоди, я только что сообразила! В субботу ведь будет серьезный бизнес-прием, туда придут твоя сестра и Бай Синь, и Цинь Юйфу, пожалуй, тоже заглянет...}

Сун Лин: {Зрелище намечается отменное, я точно иду.}

Сун Лин прислала голосовое сообщение: «Чэн Цзицин, ты идешь? Обязательно иди, будет жарко».

Чэн Цзицин: «.....»

Обычно на подобные приемы прежняя владелица тела ни за что не явилась бы.

Мало того, что ей предстояло всё обдумать, так к субботе у Бай Синь как раз должен был закончиться период течи.

Но если слухи правдивы, и Чэн Цзин с Бай Синь окажутся под одной крышей, учитывая сегодняшний настрой Чэн Цзин, трудно было предсказать, что вообще произойдет — особенно если примешать туда еще и Цинь Юйфу.

Вряд ли они обе заявятся туда...

Она ведь просто хотела с кем-нибудь поболтать, но после этих нескольких сообщений ей захотелось вздохнуть еще тяжелее. Отвечать она не стала, да и Сун Лин больше ничего не писала.

Когда стрелки часов приблизились к половине шестого, она сама не понимая почему, вдруг открыла список контактов.

И отправила утреннее приветствие единственному «знакомому» человеку:

{Госпожа Бай, как вы себя чувствуете?}

—

Квартира в Наньяне.

На рассвете спальня казалась сероватой из-за полупрозрачных тюлевых занавесок.

Бай Синь только что натянула чистую пижаму, как вдруг лежавший на тумбочке телефон нарушил тишину яркой вспышкой экрана. Бросив на него взгляд, она скосила глаза.

Она и сама толком не понимала, что чувствует к этой альфе. Еще вчера они были заклятыми соперницами, готовыми вцепиться друг другу в глотки, а теперь, на заре еще не взошедшего солнца, эта девица шлет ей такое сообщение.

Судя по тому, как та к ней обратилась... Самой Бай Синь шел двадцать восьмой год, в то время как Чэн Цзицин было всего двадцать три — по меркам этого мира она и впрямь была совсем юной.

Уголки ее персиковых глаз едва заметно дрогнули. Поглаживая пальцами хлопковую простыню, она подумала: и что с того, если этой маленькой альфе нездоровится? Что она может сделать?

Картинка из машины всё еще стояла перед глазами — паническое стремление Чэн Цзицин держаться от нее подальше заставляло подозревать, будто она предлагала ей не «обними меня», а «умри»...

Вплоть до того, что сейчас Бай Синь действительно перестала верить, будто препарат подмешала Чэн Цзицин.

Трусость? Нет, не похоже.

Скорее, это выглядело так, будто та просто уступает ей.

Более точного слова подобрать не удавалось.

Посидев немного неподвижно, Бай Синь не стала брать телефон, а вместо этого наклонилась, подняла с пола испачканное белье и направилась к выходу.

Шум воды за стенкой умолк спустя пару минут.

Вернувшись в комнату, Бай Синь снова посидела на краю кровати, приходя в себя: период течки отнимал колоссальное количество сил.

На этот раз выдались самые мучительные дни за всю ее жизнь после проявления вторичного пола.

Особенно вчера днем в такси — после первой же метки, оставленной Чэн Цзицин, она вдруг заметила, что боль отступила на редкость быстро, и ей даже не понадобилось заглушать жар или колоть блокаторы, всё стихло само собой...

Эта мысль мелькнула в голове Бай Синь и тут же растворилась.

Потому что телефон на тумбочке снова загорелся.

В такой ранний час просыпался ее отец — он же глава клана Бай.

Бай Чжаолян: {Раз ты говоришь, что ничего не было, отец верит тебе. Но ты должна понимать, что портить отношения с семьей Чэн нам по-прежнему не с руки.}

Бай Чжаолян: {Тот скриншот я уже объяснил госпоже Чэн, Синсин просто пошутила. Больше не встречайся с младшим директором Чэн за спиной у всех.}

Бай Чжаолян: {Чэн Цзин души не чает в этой сестричке, берегись давать ей лишний повод для подозрений.}

Бай Чжаолян: {Раз уж вокруг столько грязных толков, побудь пока дома, отдохни. И не забудь вовремя приехать на субботний банкет.}

Каждая строчка источала отцовскую заботу и всепрощение, каждая строчка сквозила чуждостью и скрытым недоверием — не было слышно и намека на искреннее беспокойство.

Бай Синь холодно изогнула губы и ответила: {Понятно.}

К субботе ее течка уже закончится, так что переживать было не о чем.

Опустив взгляд, Бай Синь увидела в полумраке глубокие тени от собственных ресниц. Выйдя из WeChat, она заметила красный кружок на иконке текстовых сообщений.

То самое, которое она прочла, но так и не открыла.

{Госпожа Бай, как вы себя чувствуете?}

Бай Синь подняла голову и сквозь туманную завесу занавесок посмотрела на брезжащий вдали серебристый рассвет, предвещавший скорый приход дня.

Затем она едва заметно кивнула и принялась выстукивать ответ.

<http://bllate.org/book/21912/2276384>